

Николай Павлович Рымаранс (1950-2013) – энтузиаст, много лет занимавшийся поисковой работой, связанной с именами юных героев Великой Отечественной войны Саша Бородулина и Гали Комлевой, Героя Советского Союза Зои Космодемьянской, ветеранов войны с Алтая. Журналист, корреспондент газеты «Степной маяк» (Алтайский край), создатель школьного музея З.Космодемьянской в райцентре Ключи. Н.П.Рымаранс переписывался с Л.Т.Космодемьянской, П.Я.Кулик. Многолетняя дружба связывала Н.Рымаранса с музеями, посвященными семье Космодемьянских: Петрищевским, Осино — Гайским, Борщевским, музеем школы № 201 г. Москвы, музеем в с. Шиткино. Много интересных материалов, фотографий, вырезок из газет передано Николаем Павловичем в эти музеи. Полные версии воспоминаний о Прасковье Яковлевне Кулик и о встрече с Любовью Тимофеевной Космодемьянской публикуются впервые в редакции Е.Г.Ивановой (г. Москва).

Уезжая 4 августа 1972 года из Петрищева в Москву, я и не представлял, что назавтра встречу с матерью двух Героев Советского Союза Зои и Александра Космодемьянских, хотя в душе теплилась надежда и мечта о встрече. Побывать у Любови Тимофеевны Космодемьянской мне посоветовал Сергей Алексеевич Шаров – директор Петрищевского музея.

Приехав в Москву, ночь я провел на Казанском вокзале. Отдыхать не пришлось, это была беспокойная ночь. И всё равно это была прекрасная ночь! Кругом сверкающие огни, высокие здания, поток машин, шум людских голосов – без умолку.

Наступило утро 5 августа. Я встал в очередь у «Справочного бюро» у входа в здание вокзала. Подошла моя очередь, и я спросил, как добраться до Звездного бульвара. Мне ответили: на автобусе № 85. Через час 85-й автобус довез меня до памятника «Покорителям космоса». Сойдя с автобуса, я стал расспрашивать прохожих, в какую сторону держать путь. И вот я на Звездном бульваре, около дома № 5. В этом доме в 46-й квартире живет Любовь Тимофеевна Космодемьянская. Я подхожу к двери, на которой выбит номер 46. Представьте, как волновалось мое сердце и билась мысль: как-то меня встретят и что я скажу?

Постоял и наконец нажал на звонок. Раз, другой... В ответ услышал звон ключей. Дверь открылась, и меня встретила стройная, худенькая, высокая женщина. В глаза бросились белоснежные седые волосы, аккуратно собранные на затылке. Я произнес: «Здравствуйте». Она ответила, и затем я передал привет от С.А.Шарова. Любовь

Тимофеевна сказала: «Я знаю не одного Шарова...». Я повторил и добавил, что из Петрищева. Она кивнула и ушла в кухоньку вымыть руки. Видно было, что я оторвал хозяйку от дел. Любовь Тимофеевна была в неярком халатике и комнатных мягких тапочках, и ходила она тихо.

Любовь Тимофеевна Космодемьянская у себя дома на Звёздном бульваре. Середина 1970-х гг.

Я вошел в большую комнату, где за круглым столом сидел мужчина и читал газету. Мы разговорились, он посетовал на жаркое лето. Я отвечал, что у нас на Алтае каждый год такая жара. Вошла Любовь Тимофеевна, а мужчина ушел на кухню. Мы сели за стол. Любовь Тимофеевна сказала: «Мне скоро будет 72 года, и я давно была бы в Крыму на слете в Артеке, ребята приглашали. Да вот заболела – воспаление легких...» Я растерянно молчал, и снова она сказала: «Я бы Вам не открыла, если бы не племянник, он приезжает ко мне по субботам (а была как раз суббота), чтобы помочь сходить за продуктами и лекарствами». Любовь Тимофеевна объяснила мне, что она плохо слышит, и попросила говорить громче. Поэтому во время нашей беседы я громко кричал ей в ухо, а она кивала и отвечала.

В подарок матери героев я привез книгу Голенковой и Иохимовича «Подвиг Киры Баева», но Любовь Тимофеевна предупредила, что ее не возьмет, так как девать некуда: «Смотрите, сколько их у меня!» Действительно, у стены глухо друг к другу стояли книжные шкафы, уставленные книгами. Она посмотрела обложку и саму книгу и, отдав ее мне, взяла со стола набор открыток «Легендарные герои Великой Отечественной войны», новый, мне бросилось в глаза: издательство «Изобразительное искусство», 1972 год. Среди открыток был цветной портрет Зои Космодемьянской работы художника Л.С.Котлярова. Любви Тимофеевне эта открытка не понравилась, она сказала, что Зоя, как деревенская, в платке, а уходила ведь в шапке, значит, неправильно...

Возникла пауза, и я попросил: «Любовь Тимофеевна, покажите, пожалуйста, альбом». (Об этом альбоме мне говорил С.А.Шаров). Она вынула из кармана халата ключи, подошла к шкафу и открыла нижнюю дверцу. Достала альбом и положила его передо мной, заранее сказав, что фотографии приклеены и она никому их не дает.

Перелистывая страницы фотоальбома, Любовь Тимофеевна объясняла, что изображено на снимках и добавляла то, чего не знает никто, кроме матери.

В альбом были старательно вклеены фотографии, среди них и не очень качественные, но оттого не менее дорогие. Были такие, которых я не видел ни разу. В памяти живут многие из них. Я увидел 5 фотоснимков, на которых отчетливо видны мерзкие лица палачей и юное лицо измученной Зои. Казнь Зои снимали немецкие фотографы. У одного из них, Курта Овельца, нашли в сумке 5 фотоснимков, когда он был убит в 1943 году под Смоленском при взятии 240-й высоты у деревни Потапово.

...Снег Петрищева. Снег того дня. Виселица. На виселице стройная, как тростиночка, девушка восемнадцати лет, петля надломила ее тонкую шею, голова девушки бессильно свесилась набок, к груди казненной прикреплена доска, на ней русскими буквами выведено неумелой рукой чужестранца: «Поджигатель домов». Ниже перевод по-немецки: «Брандштифтерин». Страшная фотография.

Любовь Тимофеевна объяснила, показывая рукой, что эти 5 фотографий были маленькими в виде открыток, это потом у нас их увеличили.

Сижу не шелохнувшись. Снег на голове матери. Сердце леденеет. Смотрю и

представляю, а она бережно перелистывает страницы, снова переживая страшную трагедию. Вновь обливало сердце кровью. Стон... я его слышу. Этого не опишешь, не перескажешь...

И снова фотографии. Тринадцать фотоснимков корреспондента газеты «Правда» Сергея Струнникова.

1. Девушка лежит у могилы, левая грудь отрезана, лицо избитое и окровавленное, тело, исколотое штыком. На шее обрывок веревки и остатки одежды, кругом снег и земля.

2. Труп комсомолки-партизанки Татьяны, зверски замученной и повешенной гитлеровскими бандитами в деревне Петрищево Верейского района Московской области. Этот снимок впервые был напечатан в «Правде» 27 января 1942 г., по нему Зою узнали родные, близкие, друзья.

3. Тот же снимок, только сделанный по грудь.

4. Тело. Спина, исколотая и иссеченная.

5. Место, где была виселица. Кругом снег. Стоят два мальчика. Из земли чуть выглядывает спиленный столб. Два ящика лежат около места, где навсегда перестало биться сердце Зои Космодемьянской. Ящики, на которых стояла героиня в последнюю минуту.

6. Сарай в д. Петрищево (слева). Любовь Тимофеевна пояснила: «Вот здесь ее схватили...»

7. Деревня Петрищево. Такой ее увидели советские освободители. Изгородь из березовых жердей, на них надпись по-немецки «Петрищево», сделанная на фанерном листе.

8. Вид деревни: видны дома, лошадь и колодец.

9. Просто белый снег у деревни.

10. Дом, в котором прошли последние минуты героической жизни Зои Космодемьянской, – дом семьи Кулик. Около него пушка Советской Армии. Вот какой это был дом – рубленый, не обшитый досточками.

11. П.Лидов или С.Струнников с Е.П.Вороной. Евдокия Петровна что-то

рассказывает, показывая рукой.

12. Двое мужчин и мальчик стоят у холмика, укрытого зелеными еловыми или сосновыми ветвями, места первоначального захоронения Зои. Кругом лес, не очень близко подступающий к могиле.

13. Разрытая могила и в ней труп девушки. Снег и земля. Мертвая девушка, почти вся раздетая, лежит во весь рост, как подбитая ласточка. Фашисты еще и после казни продолжали издеваться над ней. Струнников сделал несколько разных снимков казненной палачами Зои.

Любовь Тимофеевна ни словом не выразила, как ей трудно. Но я понимал: тяжело матери переживать всё заново. А она листала альбом дальше. Знакомлюсь с другими фотографиями. Маленькое фото: Зоя, мама, Шура. Любовь Тимофеевна в шляпе. Мирное довоенное фото. Смотрю внимательно на маленькое фото и говорю: «Темное...». Любовь Тимофеевна пояснила: «Это фото единственное, фото-пятиминутка... Зоя прибежала и говорит: «Мама, дай мне пять копеек, я сфотографируюсь». Мне сказали, что здесь у Зои самое мужественное лицо...»

Вероятно, речь идёт об этом снимке. Зоя Космодемьянская, 1933 год.

На другом снимке Александр, как будто спящий. Уснувший навеки. 13 апреля 1945 года разорвавшийся вражеский снаряд навсегда оборвал жизнь брата Зои, гвардии старшего лейтенанта Александра Космодемьянского. Еще фотоснимки: урна с прахом Зои после кремации и сидящая рядом мать. Первый памятник на могиле Зои на Новодевичьем кладбище – небольшой обелиск-надгробие из черного гранита с надписью, которой я не успел прочитать. Здесь же фотография и другого памятника, стоящего и поныне (т. е. в 1972 году). И еще фотографии, оставшиеся у меня в памяти, Любови Тимофеевне их дарили и присылали, на них учащиеся и скульпторы-любители работают над образом героини. Некоторые работы Любовь Тимофеевна критиковала, ей не нравились большие, увеличенные... Зоя была тонкая, стройная, а на фото скульптура большая, и Любовь Тимофеевна говорит: «Здесь Зоя как деревенская баба».

Много других снимков, о которых не расскажешь в двух словах. Альбом единственный такого рода, мать собрала самые ценные для нее фотографии и вклеила их, так как многие уже разошлись по музеям, архивам, школам. Эти же оригиналы Любовь Тимофеевна хранит в альбоме, который показывает всем, кто бывает в гостях у матери двух Героев Советского Союза, а таких людей немало... Приходят, как я, не предупредив. И пусть простит ее сердце нас, неожиданных гостей.

Любовь Тимофеевна сказала: «Мне надо немного полежать...» Я поднялся – пора уходить, а сам думал: «Вот и всё, последние минуточки нашей встречи подходят к концу...» Любовь Тимофеевна положила альбом в шкаф и достала фото, на котором она была при наградах. Хотела подарить, но, посмотрев на то, что я стою без вещей, передумала: «Вы не довезете». Жалею, что эту фотографию я не получил. И всё же Любовь Тимофеевна сказала: «Без подарка Вас не отпущу», – и подарила мне красивую фарфоровую «Башню Братского острога 1631 г.». И еще, прощаясь со мной, она сказала: «Коля, где бы ты ни работал, подавай инициативу, стремись быть впереди...» Эти ее слова я всегда помнил и в радостные, и в трудные периоды моей жизни.

Последние минуты... Обвожу взглядом обстановку комнаты: на стене два больших портрета Зои и Александра. Чуть ниже – портрет Александра в форме танкиста и портрет Любови Тимофеевны, написанный масляными красками. На другой стене в рамке фотография семьи Космодемьянских. И кругом подарки очень красивые, все надписанные. На книжном шкафу в углу маленькая скульптура Зои работы Матвея Манизера.

При прощанье Любовь Тимофеевна посоветовала мне посетить Новодевичье кладбище. И я, конечно, поехал туда, благо время еще оставалось.

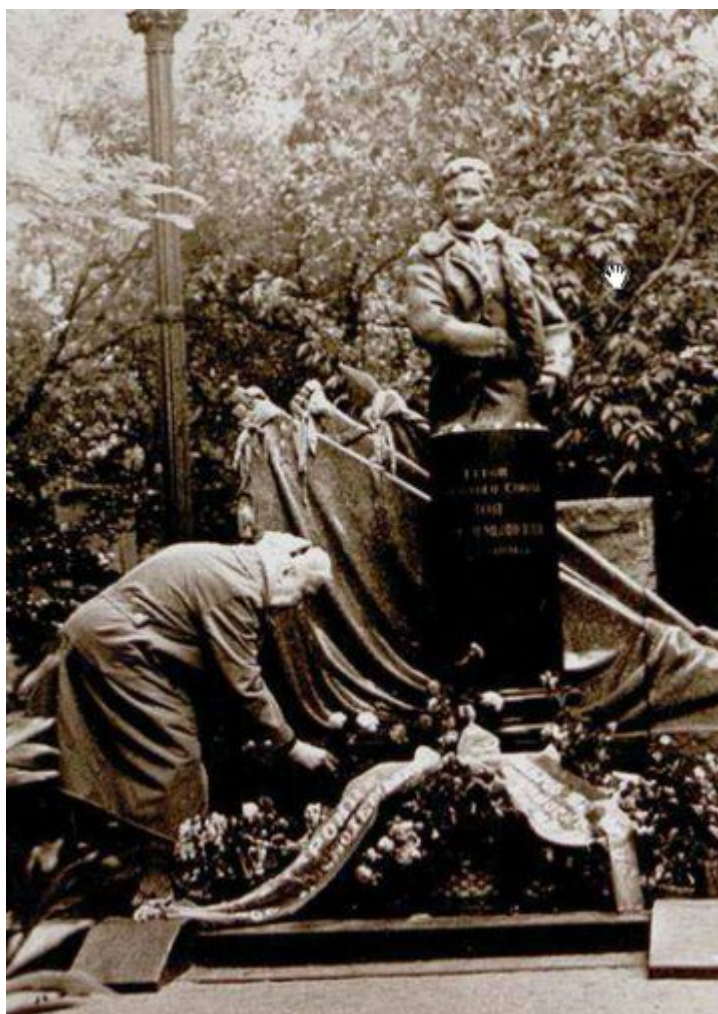
У входа купил 4 гвоздики и вошел в ворота этого кладбища-музея. Сколько скульптурных памятников-надгробий, красивых решеток и цветов!.. От волнения замирает сердце, здесь лежат прославленные сыновья и дочери русского народа. Сюда нескончаемо идут люди поклониться и отдать дань уважения деятелям искусства Собинову, Неждановой и Ермоловой, писателям Николаю Островскому, Алексею Толстому, Дмитрию Фурманову, космонавту Беляеву, Героям Советского Союза Талалихину, Доватору, Панфилову и многим другим, всех не перечислишь. А некоторые могилы ищешь, спрашиваешь, и посетители отвечают, охотно помогают. И вот наконец нахожу между рядов мраморных надгробий дорогие могилы Героев Советского Союза Зои и Александра Космодемьянских. Возле Зоиной могилы стояли люди и говорили торжественно и тихо. На могиле много цветов и пионерских пилюток и галстуков со значками и подписями. Запечатленная в бронзе Зоя в порыве опасности правой рукой достает из полушубка бутылку с зажигательной смесью, героическое лицо полно решимости и отваги... Эта скульптура И.А.Рудакова возвышается на черном круглом постаменте, на котором выбиты слова:

Г е р о й

С о в е т с к о г о   С о ю з а

З о я   К о с м о д е м ь я н с к а я

1923 - 1941 гг.

Позади памятника скорбно приспущенные знамена из розового гранита. Нежно кладу гвоздики и беру на память о бессмертной Зое, о том, что есть в Москве дорогая нам могила, горсть русской земли.

Напротив памятника Зое, в другом ряду, стоит гранитный обелиск Александру, на нем надпись и портрет. Привожу полностью слова, выбитые на этом памятнике:

Александр Космодемьянский

родился 27 июля 1925 г.

погиб под Кёнигсбергом

13 апреля 1945 г.

Люди не уходят, а подходят другие, и мы говорим друг с другом.

Я рассказываю о Петрищеве и о матери Зои и Александра, о том, что я только что приехал от нее. Слушая мой рассказ, одна женщина заплакала... Идут и идут люди, пора уходить, скоро закроют кладбище, уже зазвонили колокола Новодевичьего монастыря...

Ночью я уехал из Москвы, навсегда увозя в памяти короткую встречу с Любовью Тимофеевной - встречу, которую не забуду до конца своих дней.

1972-1976

гг.